

Поэтические страницы

Кирил Топалов

«Мне довольно награды —
остаться в слове народа...»

Жизнь и поэзия Христо Ботева

Самая светлая эпоха – Ренессанс – дала человечеству и мировой культуре не только мощные идеи, но и величайших личностей и творцов: Данте, Шекспира, Сервантеса, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Галилея, Джордано Бруно... Болгарское возрождение запоздало на несколько веков, но также имело своих духовных гигантов, на плечах которых зиждется национальная культура: Паисия, Софрония, Берона, Раковского, Славейкова, Каравелова, Левского, Ботева. Как в народной легенде о Струне-невесте¹, каждый из них построил своим неповторимым образом свою судьбу, жизнь и дело в тот мост, по которому болгары перешли из

Перевод с болгарского Е. Панченко.

¹ Эта народная легенда повествует о трех братьях-мастерах: днем они строили мост, а ночью он рушился. И тогда братья решили замуровать в мост человека – жребий выпал на Струну, красивую молодую жену одного из мастеров, у которой был грудной ребенок. Легенда выражает идею о том, что созидание требует «встроить» себя в нем, жертвовать собой.

Мать Христо Ботева – Иванка Петкова

Средневековья в Новое время, чтобы занять достойное место среди культурных и свободных европейских народов. Но одному из них – поэту, публицисту и революционеру Христо Ботеву (1848–1876) – судьба отвела особую роль: своим гением, своим словом и делом он придал смысл целой эпохе и стал навсегда высочайшим духовным мерилем нации, прошедшей крестные муки многовекового рабства.

С XIV века болгарский народ находился под властью турок. В XIX веке турки провели ряд «реформ» по отношению к коренному населению, но это практически ничего не изменило: «Мрачна и печальна наша история со времени нашего падения под турками до нынешних времен, тяжела и возмутительна жизнь свободолюбивого когда-то болгарского народа! – писал Христо Ботев в 1871 году. – Страшен хомут, который и до сегодняшнего дня висит на его шее <...> тяжелы цепи, заржавевшие от крови и слез, цепи, в которых закованы и руки, и ноги, и ум,

и воля, и в которых и до сегодняшнего дня стонут отцы и матери, братья и сестры, дедушки и сыновья, – злодеяния, бесчестья, колы, виселицы, муки, темницы <...> словом, зло, варварское зло, которое только азиатское воображение может охватить, зло от завоевателя Мурада до читашского² реформатора Азиса – вот страницы нашей истории, этого нашего *вчера*. Кровавые страницы, горькое прошлое! Но *сегодня*, сегодня не то же ли самое черное страдание?»³

Христо Ботев родился 25 декабря 1847 года (6 января 1848 года по новому стилю) в городе Калофер в семье учителя Ботьо Петкова, педагога, публициста и переводчика. Отец оказал благотворное воздействие на формирование личных качеств, общественной позиции и литературных способностей будущего поэта и политического деятеля. Мать, Иванка Петкова, с колыбели пела сыну народные песни. В прекрасном балканском краю Ботев с ранних лет впитал гайдуцкое свободолюбие калоферцев. С помощью известного писателя Найдена Герова⁴ осенью 1863 года Ботьо Петков посылает своего 15-летнего сына в Одессу, где тот поступает вольнослушателем во Вторую гимназию. Но очень скоро его свободолюбивой натуре становится невыносим казарменный режим школы. Казенному образованию молодой болгарин предпочитает самообразование. Он жадно читает художественную, публицистическую, политическую и научную литературу. Все более открыто проявляющееся свободомыслие создает ему врагов как среди учителей и воспитателей, так и среди членов Болгарского попечительства в Одессе. По предложению попечительства осенью 1865 года Ботев исключен из гимназии «за небрежность и неуспешность». Он поступает студентом (вольнослушателем) на историко-филологический факультет только что открытого Новороссийского университета в Одессе. Уже знакомый с идеями русских революционных демократов – Чернышевского, Герцена, Добролюбова, Писарева и др., с творчеством Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Гоголя, Христо Ботев расширяет возникшие еще в гимназии связи с интернированными в Одессу русскими и польскими революционерами. В то время он уже совершил свой выбор: его кумиром стал идеолог болгарской национальной революции Георги Раковский⁵, и Христо выбирает своей судь-

² От слова *читак* – турок.

³ Ботев Х. Събрани съчинения. Т. II. София, 1979. С. 13.

⁴ Найден Геров (1823–1900) – болгарский писатель, языковед, фольклорист, учитель, общественный деятель. Учился в России, принял российское подданство, был российским вице-консулом в Болгарии (1857–1876). Содействовал болгарскому национально-освободительному движению.

⁵ Георги Стойков Раковский (наст. имя Съби Стойков Попович; 1821–1867) – болгарский революционер, один из организаторов национально-освободительного движения в Болгарии против турецкого господства, историограф, этнограф, поэт, писатель и публицист.

бой вооруженную борьбу за освобождение родины от турецкого ига.

Осенью 1866 года Ботев получает место школьного учителя в болгарском бессарабском селе Задунаевка. Живет по-спартански, спит на дощатом полу, завернувшись в черкесскую бурку, одевается в изношенный казацкий мундир. Здесь он начинает революционную пропаганду среди местной молодежи. Его современник В. Лучков оставил описание облика молодого учителя: «Ботев был на редкость красив. В этом возрасте (18 лет) его лицо было белое, как у девушки, еще не было ни бороды, ни усов; высокий, крупный, статный, физически ловкий, сильный, подвижный. У него были длинные, черные, густые волосы, которые он умел красиво зачесать, и когда он встряхивал этой волной, они почти касались его плеч»⁶.

Внезапная болезнь отца заставляет Христо покинуть Задунаевку и вернуться в Калофер в начале 1867 года, чтобы заменить на время старого учителя. Наряду с учительской работой он снова собирает вокруг себя молодых людей, которые под его руководством учатся стрелять и обсуждают идеи об освобождении от векового рабства. Дерзкий, открытый и бескомпромиссно прямой, веселый и жизнерадостный, всегда готовый пошутить и посмеяться – таким его запомнили современники в Калофере.

11 мая 1867 года по случаю праздника святых братьев Кирилла и Мефодия Христо Ботев произносит свою знаменитую речь об истинных причинах тяжелого, рабского положения болгарского народа. После этой речи Ботев становится в порабощенной турками Болгарии «персоной нон грата». В ноябре 1867 года он уже в Бухаресте, работает печатником в типографии Димитра Паничкова и корректором газеты «Дунавска зора», с воодушевлением играет в театральной труппе редактора газеты Добри Войникова – первого организатора болгарского театра и создателя национального театрального репертуара. Христо еще теснее сближается с хышами⁷, большая часть которых переходит Дунай в июле 1868 года с небольшим повстанческим войском (четой) Хаджи Димитра и Стефана Караджи. Этим же летом он становится секретарем в чете воеводы Жельо (которая, однако, не успевает войти в Болгарию).

В это время Христо создает один из своих поэтических шедевров – «На прощание». Он болеет, голодает по нескольку дней, спит на скамейках кафе «Стара планина» в Браиле. «Я по причине болезни своей в Браиле впал в такую бедность, – пишет он в сентябре Найдену Герову, – что, кроме того что я остался гол и бос, нуждаюсь даже в хлебе насущном». В этом же году газета «Дунавска зора» публикует его второе стихотворение – «Брату», а также объявление о намеченном, но не осуществленном из-за нехватки средств издании первой книги: «Имею честь известить своих соотечественников, что в эти дни будет печататься мое небольшое сочинение “Первые поэтические опыты – проза и стихотворения”».

Холодную зиму 1869 года, больной, в изношенной одежде и почти без пищи, он проводит в заброшенной мельнице на окраине Бухареста вместе с другим великим апостолом болгарской свободы – Василом Левским⁸. Весной Ботев становится учителем в Александрии, а с августа 1869-го по март 1871-го преподает в Измаиле болгарский и русский языки. Важное значение имеет его знакомство и сотрудничество с Любеном Каравеловым⁹, который уже начал издавать в Бухаресте газету «Свобода» – трибуну новых революционных идей и революционной художественной литературы и публицистики. На страницах «Свободы» укрепляется и развивается поэтический и публицистический талант Ботева. Летом 1871 года он издает четыре номера своей первой газеты «Дума на българските емигранти». В конце года Христо был арестован из-за своих связей с русскими революционерами и анархистами. После двухмесячного пребывания в фокшанской тюрьме летом 1872 года он снова в Бухаресте, крупном по тем временам центре болгарской эмиграции (как Браила, Галац и некоторые другие румынские города). В 1873 году Ботев выпускает сатирическую газету «Будильник» (три номера) в сотрудничестве с художником и карикатуристом Генриком Дембицким, польским эмигрантом.

В 1874 году Ботев, учитель болгарской школы в Бухаресте, становится членом временного Центрального болгарского революционного комитета. Начинается его деятельность профессионального революционера. В конце года он приступает к изданию газеты «Знамя», которая превращает-

⁶ Бурмов А. Хр. Ботев през погледа на съвременниците си. София, 1945. С. 24.

⁷ Хыш (болг.) – болгарский революционный эмигрант в Румынии в период турецкого ига.

⁸ Васил Левски (1837–1873) – болгарский национальный герой, идеолог и организатор болгарской национальной революции. Основатель Внутренней революционной организации и Болгарского революционного центрального комитета. В Османской империи создал «государство в государстве» – разветвленную сеть болгарских революционных комитетов, основанных на строжайшем соблюдении устава и дисциплины, с внутренней системой почты и полицией. Предан. Осужден и повешен в Софии османскими властями.

⁹ Любен Каравелов (1834–1879) – болгарский революционер, писатель и публицист.

ся в печатный орган революционной организации. «Единственным выходом из того грозного положения, в котором находится народ, является революция, и это революция народная, незамедлительная, отчаянная», – заявляет Ботев, определяя кратко и ясно программу газеты и всей своей жизни. Вместе со Стефаном Стамболовым, Иваном Драсовым, Николой Обретеновым, Стояном Заимовым Ботев занимается подготовкой восстания в Болгарии. В 1875 году выходит из печати его единственная прижизненная книга (совместно со Стамболовым) «Песни и стихотворения Ботева и Стамболова».

К нему приходит любовь. Избранница Ботева, Венета, вскоре становится его женой. В Бухаресте собирается вместе семья – братья Кирилл, Стефан, Боян и их мать Иванка. После очередной неудачной попытки организовать восстание в Болгарии в Бухарест хлынула новая волна эмиграции. Христо Ботев принимает самое активное участие в подготовке революции и с этой целью направляется в Сербию и Россию. На апрель 1876 года болгарские революционеры намечают восстание. «Я сделаю из рук своих молоты, из кожи – барабан, из головы – бомбу и выйду на борьбу со стихиями», – пишет Ботев в феврале 1876 года своему другу Тодору Пееву. В апреле и мае с помощью Николы Обретенова и Георгия Апостолова он спешно собирает чету.

Во главе четы становится сам Ботев. Чета состоит из отделений по десять человек, а воевода, военный командир и еще десять бойцов образуют штаб. На боевом зеленом знамени четы серебром и шелком вышиты лев и девиз «Свобода или смерть!». В повстанческое войско вошли крестьяне, портные, сапожники, красильщики, печатники, каменщики, торговцы, офицеры, чиновники, учителя, а также студент белградской гимназии. Преувеличенные слухи об успехах апрельского восстания в Болгарии¹⁰ преисполняют воеводу и его четников верой, что им суждено стать участниками последнего, решительного боя за свободу родины. Спрятав оружие, боеприпасы и униформы в багаж, четники садятся на австрийский корабль «Радецки» как обыкновенные пассажиры из разных дунайских портов – Гюргево, Зимница, Турну Мыгуреле, Корабии и Бекета. На корабле воевода уточняет со своим штабом план взятия парохода и пишет письма семье, друзьям и соратникам, а также посылает телеграмму в европейские газеты, в которой извещает обще-

ственное мнение о походе четы и выражает надежду, что цивилизованные народы поддержат борьбу болгар за свободу.

Благодаря хорошей предварительной организации чета завладевает кораблем за несколько минут и без кровопролития. В назначенный час вооруженные люди занимают узловые позиции, а Ботев и его штаб, первыми надевшие свои повстанческие униформы, появляются на палубе. «К оружию, ребята!» – кричит воевода с саблей в руке, и перед изумленными пассажирами «мирные крестьяне» за секунды разламывают тяжелые огромные сундуки со спрятанным оружием и превращаются в небольшую повстанческую армию, одетую в красивую униформу – ее шили специально перед тем, как отправиться в бой за свободу. Ботев вручает капитану судна письмо, в котором объясняет, что чета идет «на помощь своим восставшим братьям, храбро сражающимся под знаменами болгарского льва за свободу и независимость нашей дорогой родины – Болгарии», и передает ему свидетельство, которое оправдывает его перед пароходством за изменение курса корабля.

Повстанцы высаживаются на болгарский берег близ села Козлодуй. Ботев покидает корабль последним, убедившись, что никто не пострадал. Экипаж корабля провожает повстанцев ободряющими возгласами. Поцеловав родную землю, знамя и крест, образованный двумя саблями, и произнеся слова клятвы: «...клянусь, что умру за родину свою Болгарию», четники отправляются к Балканам с песней Стамболова «Мы не хотим богатства, мы не хотим денег», ставшей гимном революционеров. Но в селах Бутан и Бороване их встречают запертые на засов крепкие крестьянские ворота. Несколько немолодых женщин преодолевают страх и приносят немного воды. Около села Баница чета подвергается нападению черкесов и башибузуков¹¹ и быстро занимает Милин камень – вершину ближайшего холма. Здесь в течение всего дня под палящим солнцем дружина героически сдерживает непрерывные атаки, усиленные частями прибывшей регулярной турецкой армией с двумя горными орудиями. Ночью (с 19 на 20 мая) повстанцы успевают уйти на близкую вершину Веслец и отдохнуть. После того как становится ясно, что народ не готов к восстанию и помощи ожидать не от кого, Ботев распоряжается отступать дальше к Балканам. У подножия вершины Вола чета под-

¹⁰ Восстание было жестоко подавлено – 30 тыс. убитых, 200 разграбленных и 80 сожженных селений. Это вызвало негодование прогрессивной мировой общественности. Свой голос в защиту болгарского народа подняли Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, В. Гюго.

¹¹ Башибузук – солдат нерегулярной турецкой армии в XVIII–XIX веках.

вергается нападению еще более многочисленного регулярного войска и занимает возвышенности Околчицы. К вечеру, когда турки временно отходят, несколько человек спускаются к ближайшему источнику. Воевода собирает штаб – тех, кто остался в живых, чтобы решить судьбу четы, у которой уже нет ни патронов, ни продовольствия. Они обсуждают возможность ухода в Сербию. «Ботев ничего не говорит, но выпрямляется во весь рост, чтобы увидеть, куда ушли ребята и нет ли опасности для четы, – вспоминает об этом трагическом моменте Никола Обретенев. – Тогда внезапно выстрелило ружье, и Ботев упал на спину, я и Апостолов подхватили его с двух сторон, и пока мы укладывали его на землю, он скончался, пронзенный в сердце...»¹²

Сбылась заветная молитва поэта: с высоты, со старопланинской вершины, его дух устремился в Болгарию. Он настолько высок, что общаться с ним можно лишь высоко подняв голову, с чистым взглядом и чистым сердцем.

Ботеву выпал счастливый жребий великих личностей: он не мог не сказать того, что сказал, не совершить того, что совершил, и не мог завершить свой путь другим образом, кроме креста народного страдания. Судьба ему определила не только важную историческую миссию, но и исключительный шанс ее осуществить. Его короткая молодая жизнь протекла с молниеносным блеском и вулканической силой. Он спешил оставить свои послания современникам и потомкам, подвести итог своей жизни и борьбы в мире, который после него должен стать немного лучше. Христо Ботев создал около двадцати стихотворений, но в них отражена драма целой эпохи, которая прошла через сердце поэта, превратилась в его личную, гражданскую и творческую судьбу и дошла до нас как сокровенная исповедь. Каждое произведение Ботева – это глубоко страданная боль, это ясно осознанная и категоричная личностная позиция.

В первом опубликованном стихотворении «Моей матери» (газета «Гайда», 1867) лирический герой Ботева предстает сформировавшейся и зрелой личностью, несмотря на то, что поэту только двадцать лет. Стихотворение «Моей первой любви» продолжает лирическую тему в болгарской поэзии возрождения – в 60-е и 70-е годы XIX века эта тема становится общественно значимой, вдохновляя народ на борьбу за свободу. Любовь окрыляет борца, дает ему силы в неравной борьбе, если она созвучна его идеалам, если

она готова слиться с другой, большой любовью к народу и родине.

*Народ мой бедный, скажи, скажи мне,
кто тебя в рабской люльке качает?
Тот, кто распятого Божьего сына
ударил в ребра, зверски пронзая?
Тот ли, кто все тебе напевает:
«Терпи, и душу спасешь для рая!»?»¹³ –*

вопроса Ботев в «Элегии». В стихотворениях «В корчме», «Патриот», «Юрьев день» он осуждает общественную апатию и политическую демагогию. Три образа рабства – рабство ума, духа и материального мира – нарисованы в трех восьмистрофных строфах стихотворения «Элегия», которое представляет собой настоящий шедевр политической сатиры.

Заветы, которые Христо Ботев оставил после себя, обретают и другие измерения, другой смысл в таких шедеврах, как «Гайдуки», «Сбежавшая», «На прощание», «Казнь Василя Левско-го». Палитра проблем, решаемых поэтическими средствами, – от восторженного апофеоза героического подвига во имя свободы до философских обобщений, далеко выходящих за рамки национально-освободительной борьбы. Поэма «Гайдуки» – романтическая интерпретация всего прекрасного, героического и возвышенного, чем славны гайдуцкие народные песни.

«Сбежавшая», как и «Гайдуки», уводит нас в романтический мир народных песен, делает сопричастными самой светлой, самой восторженной мечте поэта. «На прощание» – одна из самых волнующих исповедей Христо Ботева, здесь он делает первую в болгарской литературе попытку ввести античную, вечную для искусства тему – разрыв личностных отношений во имя нравственно-гуманистического идеала, во имя высокой цели. В жизни такой бурной, драматической и трагической личности, как Ботев, счастливые мгновения – редкость, но поэтическое воображение рисует ему картину победного возвращения борца за свободу «живым и здоровым, со знаменем в руке»:

*Если же, мать моя матушка,
дойду живым и здоровым,
живым и здоровым – со знаменем,
с дружиной смелых юнаков,
статных, в одеждах военных,
со львами золотыми на шапках,
с винтовками за плечами*

¹² Обретенев Н. Спомени за българските въстания. София, 1942. С. 291.

¹³ Перевод с болгарского А.А. Руденко.

*и с саблями-змеями сбоку,
о... тогда, мать юнацкая!
О, любовь моя милая!
Цветы в саду собирайте,
нарвите плюща и герани,
несите венки и букеты
для наших голов и ружей!*¹⁴

Поэтические послания Ботева завершает трагически-возвышенная элегия «Казнь Василя Левского». В этом последнем опубликованном стихотворении образ матери получил свою самую яркую художественную реализацию как образ родины.

Ботев оставил и произведения, в которых поднимаются общечеловеческие, вечные вопросы. «Борьба», «Моя молитва» и романтическая ода-баллада «Хаджи Димитр» – послания человечеству, в которых универсальные идеи воплощены с исключительным размахом. Эти стихотворения содержат характернейшие черты творческой и личностной позиции Ботева, в них – гневный приговор ретроградству, немеркнущая вера в разум и победу над злом, безусловная личная сопричастность идеям свободы, полное единство слова и дела. Разум и свобода – две сущности, которые составляют основу его мировоззрения, его отношения к человеку и миру и определяют глубоко личный, сокровенный характер его исповеди.

Крест самопожертвования во имя свободы – самая общечеловеческая и самая вечная идея его поэтического шедевра «Хаджи Димитр». Народ отказывался верить, что воевода Хаджи Димитр, боровшийся за свободу Болгарии, погиб, люди передавали из уст в уста легенду, что он жив и его чета продолжает сражаться на Балканах. Ботев превращает эту веру в исключительную по силе воздействия метафору, в величественный гимн героическому самопожертвованию. В этом произведении он пророчески увидел и свою собственную гибель на Балканах. Все написанное им готовило его к этой балладе, к драматической развязке, к той великой идее, которую он выразил в поэтических строках:

*Тот, кто падет в бою за свободу,
не умирает...*

Переплетение реальности и фантазии, жизни и мечты, страдания и восторга рождает неповторимый поэтический мир, который несет в себе волшебное очарование народного творчества, древних мифов, легенд и притч, воплотивших идею драматической гармонии между человеком

и миром... «Хаджи Димитр» – самое автобиографическое произведение Ботева, которым поэт завершил осмысление своих взаимоотношений с миром. Он оставил нам свои послания и уже спешит туда, где исполнится его молитва, где сбудется все, что предвидел его пророческий гений и что превратит его навсегда в высочайшее мерило его народа.

До Ботева в болгарской поэзии возрождения были свои откровения и находки – благодаря творчеству Добри Чинтулова, Георги Раковского, Найдена Герова, Григора Пырличева, Петко Славейкова, Райко Жинзифова и др., – которые также зиждильсь на идеях духовного, социального и политического освобождения. Ботев дал новые идейные и эстетические измерения уже созданной традиции, сделал ее современной, вдохнул в нее бессмертие.

Новаторство Ботева проявилось во всем – от своеобразия художественных образов и композиционных решений до целостной идейно-художественной энергии его творчества. Драма времени превращена в личное творческое переживание, большой мир идей об освобождении народа воплощен в образах матери, отца, братьев, любимой, собратьев по судьбе, в надеждах и разочарованиях молодости, пейзажах родной страны, воспоминаниях о родном доме; личная жизнь семьи в его поэзии неотделима от истории Балкан, а фольклорная мифология – от сокровенно-исповедальной поэтики его творчества.

Категорично выраженная оппозиция «рабство – свобода» совершенно естественно выстраивает основной круг образов. Поэт связывает символику рабства, пришедшую из фольклора, с близкими предметными представлениями, делает ее более доступной, усиливает ее воздействие. Важную художественно-организующую роль играет черный цвет, традиционно связанный в сознании болгарина с представлением о зле. Рабство – это чувства скорби, муки, ощущение гибели, когда теряют смысл основные человеческие ценности. Один из наиболее трагичных мотивов поэзии Ботева – непонятость и одиночество великой личности, опередившей свое время и своих современников, священный гнев свободного духа против покорности раба, который предпочитает уют своего рабства вызову трудной и пугающей своей неизвестностью свободы. Насколько современно звучит сегодня эта великая боль Ботева!

Идея свободы мотивирует появление разных типов поэтической символики; примирению с судьбой и страданию противостоят светлая надежда, оптимизм, восторг, звучат ликующие ин-

¹⁴ Перевод с болгарского А.А. Руденко.

тонации гимна, связанные с представлениями о силе и героизме. Заимствованный из фольклорной поэтики герой, героический гайдуцкий мир превращаются в поэзии Ботева в метафору, становятся средством художественной экспрессии: «Балканы поют гайдуцкую песню!» Так осуществляется синтетическая связь поэтического художественного сознания Возрождения, абстрактных понятий социального и гражданско-политического характера с понятной, доступной, близкой будням болгарина фольклорной поэтической лексикой, интонацией и образной системой.

Мы умалим представление о поэтическом новаторстве Ботева, если не вспомним об уникальной композиционной схеме его произведений: в отличие от других поэтов болгарского возрождения, которые доводят – испытанным классическим способом – лирический сюжет до идейного и художественного обобщения только в финале, у Ботева всякое начало стихотворения уже звучит как кульминация – настолько синтетична и закончена в нем поэтическая и публицистическая мысль. Может быть, в этом ключ к одной из загадок поэзии Ботева: двадцать исключительных по своей силе стихотворений, и каждое – художественный сверхсинтез идей и чувств, восхождение к новой духовной высоте.

Близкая к народной песне, овеянная революционной романтикой поэзия Ботева заимствует самые ценные художественные качества фольклорной традиции и поднимает их на новый эстетический уровень. Христо Ботев создал новаторскую поэзию, которая стала началом самой долговечной традиции в болгарской литературе. Суть ее в национальной самобытности и созвучности общечеловеческим гуманным переживаниям.

Сегодня, спустя почти 130 лет после гибели Христо Ботева, появилось множество исследований о его жизни и творчестве. Едва ли есть другой болгарский писатель, о котором было бы написано так много, а сказано так мало. Как случается с каждым большим национальным мифом, его имя использовали для своего знамени полярные политические силы, ему приписывались чуждые, не свойственные ему политические клятвы и убеждения. В отношении к могучему национальному мифу всегда содержится элемент обожествления; божеству испокон века одинаково усердно, с непоколебимым ощущением правоты клянутся и принц и нищий, и палач и жертва, и грешник и праведник, и убийца и самаритянин, и в конце концов все этические, политические и эмоциональные разночтения вносят, тем или иным образом, свою лепту в понимание сложного мира поэзии Ботева.

Путешествие в этот бескрайний мир имеет много направлений; это путешествие в уникальный художественный и интеллектуальный космос, для каждого болгарина оно начинается с колыбели и сопровождает его всю жизнь, а для болгарского общества оно началось в самые ранние годы после освобождения и навсегда останется одним из вечных духовных ориентиров на пути в будущее.

Памятник Христо Ботеву в городе Враца

Избранное*

Доля

Мы братья с тобою по чувствам,
одни у нас мысли, заветы;
и верю, что нам не придется
раскаяться в мире за это.

Добро или зло мы творили –
потомство пусть судит по чести;
сегодня – вперед – твердым шагом
пойдем – рука об руку – вместе!

В пути были спутники наши
и бедность, и скорбь на чужбине,
но мы их по-братски делили,
разделим же снова и ныне...

Разделим людские укоры,
насмешки глупцов... И – с тобою
все стерпим, но, знаю, не охнем
под тяжкою мукой любовью.

И наших голов не преклонят
ни страсть, ни мирские кумиры;
что было на сердце – раскрыли
печальные наши две лиры...

Вперед же – как чувствуем, мыслим!
Чтоб нам напоследок посметь
исполнить заветное слово –
на смерть, брат, пойдем мы, на смерть!

Брату

Тяжко, брат, живется – душно
между твердолобых, глупых;
пламя мне сжигает душу,
буйно сердце – в ранах лютых.

Верен отческому краю,
помню о его заветах;
но себя я, брат, теряю,
дурней ненавижда этих.

Мрачны мысли и мечтанья –
распинают душу, гложут;
ах, и кто же мне в страданье
руку на сердце положит?

Рядом никого! Не знает
сердце радости, свободы;
бьется и себя терзает,
слыша всюду плач народа!

Часто, брат, я плачу втайне
над его глухой могилой;
но и что мне чтить, не знаю,
в жизни злобной и постылой?

Нечего! И – без ответа
зов высокий, благородный...
Да и ты не слышишь этот
голос Божий – плач народный!

Элегия

Народ мой бедный, скажи, скажи мне,
кто тебя в рабской люльке качает?
Тот, кто распятого Божьего сына
ударил в ребра, зверски пронзая?
Тот ли, кто все тебе напевает:
«Терпи, и душу спасешь для рая!»?

Он... или некий его наместник –
сын ли Лойолы, брат ли Иуды,
предатель верный, новый предвестник

* Перевод с болгарского А.А. Руденко.

страданий для бедняков поникших?
Иль кырджалия¹ безумный, лютый,
продавший брата, отца убивший?!

Кто же? – ответ. Но молчит народ мой!
Гремят оковы глухо, и страшно,
не слышен за ними голос свободный;
лишь мрачно народ головой качает,
видя скотов – избранников важных,
в костюмах, в рясах – слепцов с очами...

Со лба народа течет рекою
кровавый пот на камень надгробный;
крест вонзен прямо в тело живое,
обглоданные ржавеют кости;
народную кровь пьют удав огромный,
пьют и свои и чужие гости!

А раб все терпит... И мы, немея,
не зная срама, считаем время
с тех пор, как носим хомут на шее
и в цепи закована жизнь народа,
считаем... верим в то скотское племя
и ждем, когда же придет свобода!

Моей первой любви

Забудь ты о песне любовной –
избавь мое сердце от яда;
я молодости не помню,
хоть молод... И – рыться не надо
во всем, что и чуждым мне стало,
и в горечи жизнь растоптала.

Забудь меня – плакать готовым
о милом: о вздохе, о взгляде...
Рабом был – цепями окован:
улыбки одной твоей ради,
безумец, весь мир мог презреть я
и душу унизить в то время!

Забудь и былые безумства –
угасла любовь, позабылась;
пробудишь ли прежние чувства
в груди, где лишь скорбь поселилась;
коль ранами сердце покрыто
и – злобное – злобой обвито!

Ты – юная, голос твой – чудо!
Но слышишь ли песню лесную?
А – плач угнетенного люда?

О голосе этом тоскую...
Влечет меня горькой любовью
туда, где все залито кровью.

Оставь ядовитые речи!
Послушай, как стонут дубровы,
как древние бури рокочут,
являя нам – слово за словом –
о времени старом сказанья
и песни о новых страданиях.

Запой же и ты – об утрате,
о том, что душа не забыла,
как брат продает своих братьев,
как молодость гибнет и сила;
как плачет вдова; как сурова
жизнь – к детям голодным, без крова!

Запой – иль умолкни! Опомнись!
Ведь сердце трепещет и рвется
наружу... Там властвует горесть,
земля и гудит и трясется
от криков ужасных и злобных
и песен смертельных, надгробных.

Там... ломаются ветви от бури,
а сабля венцом их свивает;
там бездны распахнуты хмуро,
свинцовые зерна летают;
смерть манит улыбкою милой,
и сладкий покой – за могилой.

Ах, эту улыбку и пенье
чей голос явить мне посмеет?
Чтоб пир я кровавый затеял,
когда и любовь онемееет.
И сам запою – вот тогда-то
о том, что мне любо и свято!..

Сбежавшая

Слышится кавал с поляны
у дубравы... Шагом быстрым
за водой идет Стояна
молодая – с коромыслом.

А жена отцова брата
злобно голосит из сада:
«Ты с ума сошла, Стояна!
Почему идешь так рано?»

¹ Кырджалия – член турецкой бандитской организации, жестоко преследовавшей христианское население. (Здесь и далее – примечания переводчика.)

Я – с тобою... Погоди-ка!»
К матери бежит... И криком
жалуется на Стояну:
мол, сбежала на поляну...

Вот под крышею чердачной
выглянула мать в оконце:
ахнула, забила в плаче,
увидав, как знамя вьется,

на ветру алеет – там, где
в круг сошлись бойцы – дружина;
а Стоянка в белом платье
уж в объятьях у Дойчина...

Как увидел он подругу –
по тропе спешащей к кругу,
сам навстречу быстрым шагом
вышел и сказал юнакам:

«Эй, дружина, станьте рядом!
Вот она – моя отрада,
вот моя лесная птица;
я хочу на ней жениться!»

И пошел к Стояне – весел,
молод, – поводя плечами;
из винтовки в поднебесье
грянул, милую встречая.

В воздух залпы загремели
на засевках², и запели
песню все юнаки вместе;
и Дойчин обнял невесту.

Горько плачет мать Стояны
от дочернего обмана,
проклиная дочь, судьбину,
шлет проклятия Дойчину.

«Чтоб ты света не видала,
дочь неверная, от тягот!
Там, где сядешь, – чтоб не встала,
чтоб совсем слегла ты за год!

Чтоб тебя хвороба сгрызла,
дочка, – злая хворь убийца,
и Дойчин твой чтоб не скрылся
от цепей и от темницы!

Чтобы твоего юнака
завтра посадили на кол:

ухмыльнется вот поди он
и тебе... и самодивам³!

Твоего он сделал брата
гайдуком, немилым богу;
и тебя сманил в дубраву,
чтоб забыла в дом дорогу!»

Крики те – сквозь сон услышал
и отец Стоянки старый:
удивился он и вышел,
и по лбу себя ударил.

Но лишь увидел Дойчина,
дочку милую и сына,
бороду помял седую –
крикнул в сторону лесную:

«Ой ты, мать лесная сила,
столько лет меня кормила,
старого бойца, в дубравах –
и моих юнаков бравых!

Мы твои, дубрава, дети!
И покуда солнце светит
и поет лесная птица,
это знамя будет виться!»

Ей

Спрашиваешь, почему
ночью к дому твоему
приходил, как вор, как тень, –
прыгнул я через плетень...

Я не старый, как твой муж, –
вижу в темноте ночной;
и со мною острый нож
на ремне – товарищ мой.

Ночь была и тьмы темней,
я прокрался, будто змей;
спало все глубоким сном,
с мужем спали вы вдвоем.

Я засел в саду и сжал
крепко рукоять ножа:
думал, выйдет он во двор –
буду на расправу скор.

Видел, как горит свеча
в доме; а в своей груди

² Засевки – свадебный обряд.

³ Самодива – лесная русалка.

чувствовал: так горяча
ярость, что не остудить...

И следя за огоньком,
долго я сидел... Потом
поредела ночь, и мгла
предрасветная легла.

Соловей запел, зарю
величая... И – смотрю:
чья-то голова в окне...
Чей-то смех летит ко мне.

В тот же миг тебя узнал
и опомнился... Сказал
соловью: «Еще придем!..»
И – исчез я за плетнем.

Вот зачем, душа моя,
приходил я в темный час:
пусть умрет один из нас –
или муж твой, или я!

Патриот

Патриот... Готов и душу
за науку, за свободу
он отдать, но только, братья,
душу не свою, – народа!
Каждому помочь готов он –
коль вознаградят, заметьте:
человек он – что поделать, –
душу продает за деньги.

Он христианин хороший,
к литургии ходит честно,
но и в церкви – потому что
для торговлишки полезно..
Каждому помочь готов он –
коль вознаградят, заметьте:
человек он – что поделать, –
и жену отдаст за деньги.

Добрый сердцем – не оставит
бедняка и сиротину;
но не он вас кормит, братья, –
на него вы гнете спину!

Каждому помочь готов он
загребущими руками;
человек ведь – что поделать...
Съест себя он с потрохами.

Послание

Св. Тырновскому

Пастырь народный! Святой владыка!
Ныне пою тебе, отче, славу:
достоин ты возглавлять поелику
и не епархию, а державу.

Но – человек религии, веры –
все-таки знать хочу, между нами:
попик-то наш, однако, был в церкви
в сан возведен... или в хамаме⁴?

Ведь языками в селе болтают,
мол, в Эски Захре проездом – точно! –
попа иль дубину – того не знают –
в банях его посвятил ты, отче...

Хаджи Димитр

Живой, живой он! В родных Балканах
лежит, вздыхая, на горной круче
герой с глубокой под сердцем раной,
залитый кровью боец могучий.

Свое ружье и обломок сабли
он рядом бросил; и силы – тают:
не приподняться... глаза ослабли,
уста – всю Вселенную проклинаят!

Солнце расплавленными лучами –
в самом зените – сердито печет;
жницы в полях запевают печально,
и кровь еще сильнее течет!

Жатва настала... Пойте рабыни!
Песня неволи, сильнее раздавайся!
Солнце, свети над землею, где гибнет
и этот герой... Но, сердце, – мужайся!

Тот, кто падет в бою за свободу,
не умирает; с ним остаются
земля и небо, зверь и природа...
И песни о нем в народе поются.

Его укрывает от солнца орлица,
и волк приходит – зализывать рану...
И сокол в небе, вольная птица,
на помощь летит к названному брату.

⁴ Хамам – турецкая баня.

Настанет вечер – простор потемнеет,
звезды и месяц засветятся в бездне;
леса зашумят, ветер повеет –
Балканы поют гайдуючку песню!

И самодивы в белых одеждах –
юные девы – песнь продолжают...
Босыми ногами ступают нежно –
тихо героя они окружают.

Одна – приложит целебные травы,
другая – его окропит водою,
третья – с улыбкой милой – украдкой
быстро в уста поцелует героя!

«Где Караджа? – скажи мне, сестрица...
Где и дружина – верные братья?
Скажи... Хочу я с ними проститься –
душу готов за это отдать я!»

Руками всплеснут прекрасные девы –
за плечи обнявшись, взлетят они вместе...
Летят и поют до утра самодивы –
ищут дух Караджи в поднебесье.

Яснеет небо!.. Лежит он в Балканах
на круче... И кровь героя течет.
Волк ему лижет лютую рану,
а солнце снова печет и печет!

Показалась в небе туча

Показалась в небе туча
мрачно – над горою хмурой:
будет мелкий дождь тягучий,
или веет страшной бурей?

Душно, дед! Плохое время –
плугом борозды ворочать.
И за ним – ты сеешь семя,
пот со лба, слезятся очи!

Отчего же плачешь, дед мой,
ты над бороздами поля:
тучи ли страшишься гневной,
или чада мрут в неволе?

Дед, скажи... Тебя я помню
с богатырской статью – смелым;
ты пахал, а бабка Стойна,
будь земля ей пухом, – пела...

Помнишь? – лесом, вдоль оврагов
шел я прошлою весною;
ты сидел среди юнаков,
как отец их с бородою...

Вот каким бывал ты с нами!
Что ж за мука одолела?
Иль не вьется больше знамя,
или сердце постарело?

«Эх, сынок! Зачем пытаешь?
Слышишь, ворон грает в чаще...
Ты ступай в село – узнаешь,
от какой тоски томящей

плачет старый воевода!
Там в селе толпа народа
собралась, чтоб каждый видел
сыновей моих погибель!

Там насажены на жерди
головы юнаков... Братья
предали друг друга смерти –
в схватке полегли две рати!

Два моих любимых сына
спор затеяли бесславный:
кто отцовскую дружину
поведет, кто будет – главный!

Тесны для недружных братьев
наши горы стали, значит!
И, на головы их глядя,
каждый проходящий плачет.

Громом, Бог, меня убей ты!
Ветер, в пыль меня развей ты!
Чтоб не видеть мне на свете,
как безумно вдовы, дети

у жердей, рыдая, руки
тянут к головам убитых;
и какие ждут их муки
после – сирых, беззащитных».

С неба капли застучали,
гуси, утки закричали:
веет, веет страшной бурей, –
нет, не мелкий дождик будет!

Все бегут, что было мочи,
дед же распрягать не хочет...
– Дед, пойдем... – «Постой-ка, сыне,
умереть ты помоги мне!»

В корчме

Тяжко, тяжело! Вина дайте!
Спьяну мне забыть бы скоро
то, что вы, глупцы, не знаете,
где слава, где боль позора!

Позабить о детстве думы,
об отечестве печали;
тех забыть, что вольный дух мне,
дух боренья завещали!

Дом забыть и род свой бедный,
позабить, как мать рыдает, –
тех, кто и кусок последний
у народа отнимает...

Богатей хозяин клятый
грабит – с «благородной» ложью,
и торговец – ради злата,
и попы – во славу божью!

Грабьте люд голодный, грабьте!
Кто мешает вам, невежам!
Не восстанут наши братья:
все – в руках стаканы держим!

Пьем, поем лихие песни
и скалимся на тирана;
кабаки уже нам тесны –
и кричим: «Айда в Балканы!»

Но как только протрезвеем,
где мы – с клятвами своими?!
И смеемся, и немеем
перед жертвами святыми!

А тиран все злобу тешит
и бушует силой черной:
бьет, бесчестит, колет, режет
наш народ поработанный!

О, налейте! Буду пить я,
об одном душой тоскуя:
чувства трезвые убить бы,
руку размягчить мужскую!

Буду пить – врагу ли нáзло,
вам ли нáзло, патриоты;
светлое во мне угасло,
а вы... все вы идиоты!

Моя молитва

Благословен Бог наш...

О, мой Боже, правый Боже!
Но не ты, который в небе,
а во мне живущий, Боже –
в сердце и в душе навеки...

Нет, не ты, кому поклоны
низко бьют попы, монахи,
свечи жгут; на чьи иконы
паства крестится во страхе;

не тот Гóспод, что из глины
создал нас в пресветлом царстве,
но оставил неповинно
на земле – в позорном рабстве;

нет, не тот, кто патриархов,
пап, царей помазал властью,
а повсюду моих братьев
бросил в нищете, в несчастьях;

не тот Гóспод, что внушает
бедному – терпеть безгласно
и его всю жизнь питает
лишь надеждою напрасной;

не ты, Боже словоблудных
подлецов и злых тиранов,
не ты, идол скудоумных
угнетателей, душманов!

А ты – разума заступник,
и защитник всех бесправных,
для которых все ж наступит
день твоей великой правды!

Каждому вдохни, о Боже,
веру, что грядет свобода,
чтоб боролся кто как может
с кровопийцами народа.

Укрепи мне руку, Боже,
чтоб свое нашел я место
среди борцов... И в битве с ложью
дай и мне погибнуть честно!

Дай же мне, чтоб не угасло
буйно сердце на чужбине,
голос – не остался гласом
вопиющего в пустыне!..